

ВРЕМЕНА «ДИПИЙСКИЕ»

Разрешите начать со стихотворения поэта Ивана Елагина, написанного в Германии вскоре после окончания войны:

Уже последний пехотинец пал,
Последний летчик выбросился в море.
А на путях дымятся груды шпал
И проволока вянет на заборе.

Они молчат — свидетели беды.
И забывают о борьбе и тлене
И этот танк, торчащий из воды,
И этот мост, упавший на колени.

Но труден день очнувшейся земли.
Уже в портах ворочаются краны,
Становятся дома на костыли...
Там города залечивают раны.

Там будут снова строить и ломать.
А человек идет дорогой к дому.
Он постучится — и откроет мать.
Откроет двери мальчику седому.

Вот тот исторический фон, на котором раскладываются дела, описанные в сборнике «Наставникам, хранившим юность нашу».

Мы тогда только-только отряхнулись от недавно пережитых ужасов войны: ковровых бомбежек, беженства, голодухи, потерь — потеря дома, друзей близких... Чуть ли не на наших глазах расстреливали евреев, и многие из нас видели, как избивали падавших от голода советских пленных, когда их гнали под конвоем на работы. Были среди нас осиротевшие дети. Были такие, как моя приемная сестра, которая в свои шесть лет стала свидетелем и жертвой уничтожения немцами всей деревни. Защищая эту часть Белоруссии от партизан, отряды СС жгли деревни вместе с запертыми в хатах стариками, а женщин и детей угнали в концентрационный лагерь Саласпилс под Ригой. Там матерей оторвали от детей и увезли на смерть в концлагерь Трешлинка. Оставшиеся в Саласпилсе дети умирали от голода, болезней и горя. Около двух тысяч из них удалось спасти стараниями митрополита Сергия (Воскресенского), который добился разрешения от германских властей раздать детей по частным семьям и приютам.

Все это было еще совсем недавно.

К тому же была свежа и память об акциях насильственной репатриации в Советский Союз, с избиениями и самоубийствами. Но молодость берет свое. Жажда жизни побеждает то, что, казалось бы невозможно изжить. Как ни

странно, люди моего возраста — тогда подростки и молодежь студенческого возраста, вспоминают послевоенную «дипийскую» пору как чуть ли ни самую счастливую в жизни. Чего нельзя сказать про наших родителей. Они только и мечтали поскорее выбраться из бесперспективной беженской жизни в какую-нибудь иную страну, да подальше от советской угрозы. У них тот период ностальгии не вызывал. Как написал в стихотворении «Ди-Пи» поэт Александр Неймирок: «Сиди, смотри из года в год, / Куда, в какую Гватемалу / Идет бесплатный пароход...»

Наш сборник, озаглавленный по Пушкину «Наставникам, хранившим юность нашу...», сосредоточен на школах послевоенного времени, а в более широком смысле — на той среде, которая нас воспитала в наших гимназиях и вне их стен.

Но сперва немного о том, что представлял собой наш беженский «дипийский» быт.

Еще до того, как в апреле 1945 года возникла ООН, президент Рузвельт объявил о создании специального Управления Объединенных Наций, которое по окончании военных действий должно было взять на себя попечение о миллионах перемещенных лиц: узниках концлагерей, военнопленных, рабочих, насильственно (а иногда и по собственной воле) привезенных в Германию из оккупированных стран, и просто беженцев. Эту организацию — ЮНРРА (United Nations Relief and Rehabilitation Administration) русские называли просто «Унрой». Благодаря заблаговременному созданию «Унры», огромное число иностранцев, оказавшихся в разрушенной Германии, которая и свое-то население еле могла прокормить, не умерли с голода. «Унра» в первую очередь должна была обеспечить их питанием и кровом в наспех созданных транзитных лагерях, а затем — способствовать быстрому возвращению домой. В случае французов, голландцев, итальянцев, оказавшихся в качестве рабочей силы в Германии или в качестве военнопленных, проблемы не было. Они были счастливы вернуться к себе домой. Сложнее обстояло дело с военнопленными и остарбайтерами из Советского Союза и других стран Восточной Европы, куда пришла Красная армия.

Первые волны репатриантов ехали в предоставленных для них товарных вагонах с флагами и пением, радуясь предстоящему возвращению к себе домой. Но вскоре стали доходить слухи, что родина оказывала им совсем не тот прием, какой они ожидали. Ведь Сталин всех попавших в германский плен считал изменниками родины. Доходили сведения о том, что со многими СМЕРШ расправлялся, как только люди пересекали границу из западной в восточную зону оккупации. Некоторых расстреливали на месте, других направляли на принудительные работы в Сибирь, Донбасс, Кузбасс, только не в свои города и веси. Не удивительно, что у многих охота возвращаться пропала; у других, испытавших на себе сталинский террор, ее не было с самого начала. Тогда американские и английские оккупационные силы прибегли к насильственной репатриации. Считается, что в добровольном и принудительном порядке в СССР вернулось около 5 миллионов граждан. На Западе осталось не более 3%. Но точного числа советских граждан, оставшихся в качестве Ди-Пи, никто не знает. По некоторым данным их было 250 тысяч, по другим — от 100 до 150 тысяч.

Чем объясняются такие расхождения?

Напомню, что выходцы из СССР, будь то бывшие военнопленные, насильственно-вывезенные в Германию на работы «Остовцы» или добровольно

ушедшие в западном направлении жители оккупированных немцами областей – подлежали репатриации. Под давлением Сталина, об этом договорились в Ялте Рузвельт и Черчилль, а потом и приехавший в Москву де Голль. Репатриации подлежали все, кто на 1939 год имел советское гражданство. Таким образом, это соглашение не относилось к «старым» (белым) эмигрантам и беженцам из Прибалтики.

Чтобы избежать насильственной выдачи, бывшие советские граждане шли на всевозможные ухищрения и обзаводились разными липовыми удостоверениями, делавшими их либо старыми эмигрантами, либо гражданами других восточноевропейских государств. В Мюнхене, например, старанием двух старых эмигрантов (генерал Шевелев и Юрьев) возник Русский комитет, который выдавал людям сфабрикованные удостоверения на английском языке, указывающие, что предьявитель никогда советским гражданином не был. Узнав об этом, оккупационные власти потребовали, чтобы Комитет выдал список лиц, получивших такие удостоверения, но получили отказ на том основании, что Комитет якобы был ограблен и списки выкрадены. Липовые бумажки изготовлялись и в частном порядке на основании паспортов и документов разных государств, с которых при помощи крутого яйца и другими способами снимали копии печатей. Юрий Елагин, автор книг «Укрощение искусств» и «Темный гений», к примеру, сделался турецким подданным, другие сходили за поляков, югославов, балтийцев (так художник Сергей Бонгарт стал рижанином!). Мне рассказывали, что один человек, проходя репатриационную комиссию, перед которой все дрожали, доказывал, что он из Венгрии. «Но если вы из Венгрии, то почему не говорите по-венгерски?» — «А я жил в лесу», — нашелся тот.

Помимо добровольных усилий всячески помогать тем, кто был под угрозой выдачи (в этом принимали участие нередко и сами представители оккупационных властей), шла также и торговля подложными документами на черном рынке. Наша семья (а были мы настоящими латвийскими гражданами), проделав все необходимые проверки и процедуры для выезда в США, к своему изумлению узнала, что по нашим документам и под нашей фамилией из Германии уехала другая семья. Нам же вместо Америки, пришлось уехать в Африку, точнее, в Марокко. Каким образом тем людям удалось получить наши бумаги на выезд, мы никогда не узнаем. Но это одна из иллюстраций того факта, что многие бывшие советские граждане маскировались под выходцев из других стран, а посему их точное число определить не представляется возможным. Будем же считать, что в середине сороковых годов прошлого столетия в западных зонах Германии и Австрии было порядка 150 тысяч выходцев из СССР. Эту цифру приводит в своей книге «Две России XX века» Борис Пушкарев. К ним надо добавить примерно 30 тысяч старых эмигрантов, получивших статус Ди-Пи.

Итак, около 180 тысяч русских оказались в полностью разрушенной Германии на попечении сначала «Унры», а потом ИРО — Международной организации помощи беженцам. Подавляющее большинство было принято в беженские лагеря, разбросанные по Западной Германии и в Австрии. Некоторые русские по своей паспортной (настоящей или фиктивной!) принадлежности, попадали в лагеря для балтийцев, украинцев или поляков. Другие, боясь идти в лагеря из-за работавших там репатриационных комиссий, предпочитали скрываться на частных квартирах и жить впроголодь на немецкие

продовольственные карточки. Но большинство все же оказалось в лагерях именно для русских беженцев. Таких лагерей насчитывалось более десятка.

Несколько слов о том, что они из себя представляли.

Как правило, в разбомбленной Германии, где жилищный вопрос обстоял чрезвычайно остро, «дипийцев» размещали в немецких казармах, благо, что разгромленная немецкая армия была раскассирована. Жили там люди не особенно комфортабельно. Большие казарменные помещения приходилось делить на несколько семейств — в ход шли серые военные одеяла, которыми отделялись друг от друга. (Шутили: «Войдя в комнату, постучите в третье одеяло направо»). В бараках поменьше — семьям удавалось получить свою собственную комнату. А в Регенсбурге, например, под лагерь отвели целый немецкий рабочий поселок, состоявший из отдельных домиков, в которых жило по две семьи с одной общей кухней. Но даже при самой большой скученности, было самое главное — крыша над головой, к тому же бесплатная. И пропитание.

Кормили калорийно, но однообразно. Прожив в одном из лагерей три четверти года, получая из общей кухни на обед и ужин гороховый суп с кусками свинины, я дала себе слово его больше в рот не брать. Выдавали нам и хлеб, а время от времени, дополнительные пайки из Америки: яичный и молочный порошок, какие-то жиры. Мы не голодали, во всяком случае, питались лучше, чем немецкое население. Налажена была и медицинская помощь.

Некоторые беженцы, пережившие бомбежки, встретили конец войны, в чем стояли. Наш знакомый музыкант — во фраке. Его дом разбомбило во время концерта. Но из Америки стали поступать партии пожертвованной одежды и обуви. Народ приоделся.

Кто мог, устраивался на работу — в лагерной администрации, на кухне или сторожем. Сначала лагерь охранялись военной полицией. Постепенно ее заменили свои же Ди-Пи. Доступ в лагерь был свободный, только вначале требовались пропуски или доказательство, что данный гость — ваш знакомый или родственник, потом и это отменили. Уходить из лагеря или возвращаться можно было в любое время дня и ночи. Не только люди извне приходили в лагерь. Помню, какие-то предприимчивые ребята привели на территорию казармы, которая состояла из больших многоэтажных блоков, корову. Лагерная полиция бросилась вдогонку. Но корова испарилась. След ее простыл. Потом выяснилось, что ребята загнали корову в лифт и катали ее вверх и вниз, покуда погоня не отстала. Дальнейшая судьба коровы была предсказуема: ее съели, а часть мяса продали на черном рынке.

Однако не об этом сейчас речь: при всей скудости существования, каковы бы ни были бытовые условия, во всех местах скопления русских беженцев начала возрождаться церковная и культурная жизнь. Одновременно там стали возникать начальные и средние школы и — по старому русскому образцу — гимназии, а также и молодежные организации, преимущественно ОРЮР — Организация русских юных разведчиков. Все это вместе взятое, сыграло огромную роль в формировании молодого поколения — тема, которой и посвящен сборник «Наставникам, хранившим юность нашу...»

Помимо лагерей Ди-Пи, было еще одно место, где возрождение духовной, культурной и просветительской жизни сказалось с особой силой. Я имею в виду Дом «Милосердный Самарянин». Находился он в зеленой части Мюнхена — Богенхаузене, наименее пострадавшей от воздушных налетов. Может быть, в силу того, что послевоенный Мюнхен стал своего рода

неофициальной русской столицей, привлекая большое количество интеллигенции, жившей на частных квартирах, Дом «Милосердный Самарянин» сделался центром разветвленной и очень насыщенной жизни. Ему в нашем сборнике отводится первостепенное место

Этот четырехэтажный дом не избежал повреждений от бомбежек, но, несмотря на протекавшую крышу и другие следы войны, все же был пригоден для жилья. На него набрели трое 15-летних мальчиков, ставших впоследствии моими друзьями на всю жизнь. Здание пустовало, так как было при нацистах штаб-квартирой Гитлеровской молодежи (Хитлерюгенд). Мальчики доложили об этом священнику Александру Киселеву, недавно прибывшему с семьей из Берлина. Как много зависит от случая! В Мюнхене отец Александр встретил своего знакомого по Берлину Федора Петровича Мирковича, который благодаря знанию английского, устроился работать в «Унру». Ему и удалось получить для отца Александра от оккупационных властей разрешение вселиться в этот дом и создать в нем своего рода беженскую общину.

О том, что представляла из себя эта община, подробно пишет в нашем сборнике Ольга Раевская-Хьюз, сравнивая дом с пчелиным ульем. Там в каждой комнате ютилось по целой семье. Многодетная семья Лопухиных поселилась в палатке на чердаке. В палатке, чтобы на них не капало. Все взрослые насельники дома были при деле: отец Ольги, доктор Раевский, заведовал амбулаторией и курсами сестер милосердия. (Девушки-студентки жили тут же, в одной из комнат, спали на двухэтажных кроватях). Некоторые жители Дома работали в отделе социальной помощи или в издательском отделе, который начал выпускать ротаторные учебные пособия, а потом и другие книги. Кое-кто работал в подвале, где была общая столовая для жителей дома; там же раздавали продукты, полученные от американцев для Ди-Пи, живших на частных квартирах.

Дом ремонтировали своими руками. При расчистке дома, обнаружили на полу бумажную иконку с изображением преподобного Серафима Саровского, Бог весть, как попавшую в логово Гитлерюгенд. (Ее нашла мать Ирины Яновны.) Созданная на первом этаже церковь стала носить название Свято-Серафимовского храма. Отец Александр был ее настоятелем. О духовной направленности Дома свидетельствует то, что каждый день начинался там с утренней общей молитвы.

Самым большим мероприятием Дома была основанная там гимназия. Она занимала весь второй этаж. Мне посчастливилось провести в гимназии почти три года. Ни до, ни после я нигде не встречала более интеллектуально и духовно насыщенной атмосферы, чем там. Большинство преподавателей имели за спиной солидный педагогический опыт, одни в эмиграции, в странах, где имелись русские учебные заведения, другие в СССР. Пусть у них не было необходимых пособий, но они умели увлечь нас, и занятия велись на высоком уровне. Должна заметить, что то же можно сказать и про гимназии, открывшиеся в лагерях Ди-Пи. Но в нашем случае было еще и другое: помимо часов, проводимых в классах, мы, занимавшиеся во второй смене, часто оставались в Доме и на вечерние часы, слишком уж было интересно: я состояла в трех кружках, которые регулярно собирались после занятий: литературный, религиозно-философский, искусствоведческий. А если не кружки, то мы проводили скаутские сборы или собрания РСХД (Русского студенческого христианского движения). Кроме того, отец Александр или директор гимназии Павел Дмитриевич Ильинский почти каждую неделю приглашали выступить

кого-то из живших в Мюнхене или приезжих литераторов, богословов, историков, артистов. А еще — в гимназическом зале стоял рояль, под фортепианную музыку устраивались танцы. Все это происходило под одной крышей.

Многое из того, что в столь концентрированной форме обогащало нашу молодую жизнь в Доме «Милосердный Самарянин» присутствовало и в тех лагерях, где имелись русские гимназии — их было шесть. Все это наложило несмываемый след на наше формирование, к тому же обогащало и жизнь взрослых, оказавшихся на чужой разоренной земле.

В первую очередь, следует отметить роль церкви. Для многих выходцев из Советского Союза это была их первая встреча с церковной жизнью. А для нас, старых эмигрантов, с детства ходивших в церковь, открылось как бы новое измерение Православия. Среди оказавшихся на Западе священников, многие были с высшим образованием, к тому же такие, как отец Александр Киселев, молодые и энергичные, относились к молодежи открыто и доступно. Они не были узкими догматиками. Они поощряли диалог, стараясь передать глубинное понимание религии, уважение к иноверцам и идею оцерковления жизни. В качестве иллюстрации приведу слова отца Александра: «Мы хотим, чтобы наша молодежь восприняла веру не традиционно формально, но увидела бы, что без Бога нет жизни. За призывом к вере следует призыв к родине — к земле, на которой должно осуществляться то, что понято сердцем». Пустому формальному благочестию он противопоставлял идею «устроения будней на основе христианских воззрений» и последовательно проводил мысль, что «вера без дел мертва». Сам отец Александр, как и ряд других священников, энергично трудившихся на благо людей, являли собой пример достойный подражания.

Общение с духовенством такого склада привело к тому, что многие из нашей бывшей молодежи до старости участвовали (и до сих пор участвуют) в церковной жизни в местах дальнейшего рассеяния, а некоторые — сами приняли священнический сан.

Что еще дали нам эти «дипийские» годы? Я бы поставила на второе место познание России — ее истории и культуры. Более того: нам прививали любовь к нашей исторической родине и чувство долга по отношению к ней. Нам внушали в школе и в ОРЮР, что мы — представляем Россию, а потому не смеем порочить ее каким-либо дурным поведением или недобросовестным отношением к учению и работе. Недавно мне попалось обращение председателя Организации русских студентов Николая Зарудского, в котором он напоминает об этом даже уже взрослым студентам университетов. В этом объединении (о нем подробнее в нашем сборнике) состояло около 600 человек, учившихся в разных университетах Западной Германии. Сознание ответственности по отношению к русскому народу привело известную часть нашей молодежи к участию в антикоммунистических организациях, а в профессиональной жизни — к таким отраслям, где требовалось знание языка и культуры, будь то в академическом мире или на общественном поприще.

Если можно в чем-то упрекнуть наших наставников, так это в идеализированной подаче русской истории. Но если бы нам ее тогда не преподавали, пусть в завышенно патриотическом духе, то где бы мы ее выучили, не в немецких же школах!

Параллельно состоялось и наше приобщение к русской культуре. Преподавание русской словесности, насколько я знаю, во всех гимназиях было на высоте. Кроме того, во всех лагерях Ди-Пи и в Доме «Милосердный

Самарянин» постоянно проводились какие-то культурные мероприятия: концерты, доклады на литературные темы, вечера поэзии, восполнявшие недостаток в русских книгах. Помню, однажды наш директор П.Д. Ильинский получил одолженную ему на несколько дней «Историю русского искусства» Грабаря. Со свойственным ему энтузиазмом, он снял нас, старших, с уроков и мы за эти дни прослушали ускоренный курс по русскому зодчеству, иконописи, живописи и скульптуре. Тот же Ильинский (сам он был искусствоведом) разбудил в нас интерес и к европейскому искусству. Он воспользовался тем, что, несмотря на разрушения, вокруг сохранилось достаточное количество памятников старины — церкви, замки, дворцы, музеи, устраивал по ним интереснейшие экскурсии. В этом отношении наша гимназия была уникальной.

Но что было свойственно всем гимназиям «дипийского» времени, так это театр. В лагерях оказалось немалое число профессиональных театральных деятелей: артистов, режиссеров, музыкантов, солистов балета, художников... Они ставили спектакли как со взрослыми артистами, так и со школьниками. Надо сказать, что ни лагерное начальство, ни представители оккупационных властей абсолютно не вмешивались в программу этих мероприятий.

Вот, например, как отмечалось 150-летие со дня рождения Пушкина в лагере Шлайсхайм под Мюнхеном 10, 14 и 15 июня 1949 года. В первый день — торжественное собрание и доклады: «Пушкин человек», «Пушкин и Россия», «Мировоззрение Пушкина», «Пушкин и общемировая культура». Этот последний доклад был прочитан поэтом Ольгой Анстей, женой уже упомянутого вначале поэта Ивана Елагина. Они жили в одном из барачков лагеря.

В программе второго дня были сцены из «Бориса Годунова» в исполнении молодых артистов, «Сон Татьяны», ария Ленского в исполнении тенора Ляшевича... На третий день — снова отрывки из драматических произведений Пушкина, чтение его стихов, ария Лизы из «Пиковой Дамы»...

Это довольно типичная программа для культурных мероприятий того времени, в основном, построенных на русских классиках.

Традиционно отмечался в послевоенные годы и День русской культуры. Обычно это была смешанная программа, состоявшая из музыкальных номеров, коротких пьес, декламации... Выступали артисты первой величины, например тенор Оперы большого театра Жадан, бас Брюно из Братиславской оперы, сопрано Пражской оперы Уланова, пианист Пастухов из Риги, заслуженный артист МХАТа Дубровский (Сверчков), а также артисты Белградского Русского народного театра Ростовцев и Романова. Большую режиссерскую работу сперва в Пассау, потом в Шлайсхаймском лагере проводила с молодежью в прошлом актриса Киевского русского драматического театра Тамара Александровна Левицкая.

Иногда с чтением своих стихов выступали поэты: Иван Елагин и Ольга Анстей, Александр Неймирок, Владимир Гальской и другие.

Расцвет культурной деятельности пришелся на 1947–48 годы, когда уже отпала угроза насильственной репатриации, но еще не начался массовый разъезд Ди-Пи в заморские края.

Теперь немного о книгопечатной деятельности периода Ди-Пи.

В послевоенное время ощущался повсеместный книжный голод. Русских книг в продаже вообще было не найти. «Анну Каренину» я прочитала в первый раз в немецком переводе. Библиотек русских тоже не было. Исключение — лагерь Шлайсхайм, где каким-то образом оказалась хорошо укомплектованная

библиотека русских книг. То было счастливое исключение. Мало кто из беженцев смог привезти в своем скудном багаже какие-то книги. А жажда чтения была велика, тем более что у жителей лагерей оказалось много свободного времени, существуя на иждивении «Унры». Но вот постепенно, начиная с 1946 года то тут, то там стали появляться сначала ротаторные, а позже типографским способом напечатанные книги. Первыми, ротаторными, изданиями были школьные пособия. Так, преподававший русскую историю Борис Тимофеевич Кирюшин, по частям выпускал в лагере Менхегоф отдельные главы. Потом они были объединены и вышли отдельной книгой в издательстве «Посев». А на юге Германии вышли «Очерки по русской истории» Николая Юлиановича Пушкарского.

Для тех, кто специально интересуется темой «дипийских» изданий, могу рекомендовать книгу Ростислава Полчанинова «Молодежь русского зарубежья», вышедшую в 2009 году в Москве в издательстве «Посев». Там книгам «дипийского» времени посвящена целая глава. Согласно Полчанинову, со времени окончания войны и до июня 1948 года вышло порядка 800 названий книг, некоторые, правда, крошечным тиражом.

Почему именно до июня 1948-го? Дело в том, что 20 июня того года оккупационными властями было объявлено о проведении денежной реформы. Она одним махом убила черный рынок и дала возможность разрушенному народному хозяйству Западной Германии стать на ноги. Эта, одна из самых продуманных экономических реформ нашего времени, была подготовлена американским правительством в рамках так называемого плана Маршалла. Немецкая марка, которая почти не имела цены, вдруг приобрела стоимость. И свершилось чудо: в пустовавших магазинах вдруг появились давно невиданные товары и продавцы, прежде хамившие покупателям, вдруг стали необычайно вежливыми. Но для русского книжного «бума» наступили трудные времена: за печатание книг надо было платить уже не сигаретами или каким-то другим способом, вроде американской тушенки, а новыми марками, которых у Ди-Пи было очень мало. С того момента книги стали выходить гораздо реже, зато типографское их качество и бумага улучшились

Ранние «дипийские» книжонки, вышедшие на скверной бумаге, стали сейчас библиографической редкостью; мало кто из уезжавших в другие страны брал их с собой. Но такие книголюбы, как поэт Валентина Синкевич, которая живет в Филадельфии, где она на протяжении 30 лет издавала поэтический альманах «Перекрестки», а потом «Встречи», все же умудрилась привезти с собой в Америку дорогие ее сердцу книжки, а позже кое-что и добавить к своей коллекции. Узнав, что я еду в Москву, она решила с ней расстаться и передала мне книжки со следующей сопроводительной грамотой:

«Библиотеке Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына:

Прошу принять в дар “дипийские” книжки из моей библиотеки. В 1950 году почти все они были привезены мной из “дипийских” лагерей в Америку. И здесь, не раз переезжая из города в город, я их не растеряла, а сберегла до сего времени.

Мне кажется, что эти жалкие книжечки, с большим трудом издававшиеся в разрушенной Германии, свидетельствуют о том, что люди сумели жить “не хлебом единым” в тяжелые годы и в тяжелых условиях.

Валентна Синкевич».

Вот самая первая книжка, вышедшая типографским изданием: «Конек-Горбунок». 1945 год. Иллюстрации принадлежат Константину Кузнецову — иллюстратору из русских Ди-Пи. На ней нет штемпеля оккупационных властей «Допущено к печати», который в те годы полагалось получать для каких-либо публикаций. Она вышла стараниями Вячеслава Клавдиевича Завалишина, а для него закон писан не был. Завалишин умудрился выпустить в ту пору и ряд других книг. Как это ему удавалось в условиях полной разрухи, только Бог знает.

Не могу не остановиться на этой столь необычайной личности.

Я помню Завалишина еще по Риге. Он появился на нашем горизонте примерно в 1943 году. Родители Завалишина были репрессированы, отец расстрелян в ежовщину, мать провела долгие годы в Караганде. Ему, однако, удалось окончить историко-филологический факультет Ленинградского университета, после чего из-за начала войны он сразу был призван в армию и вскоре попал в плен. Из плена Завалишин бежал и под чужой фамилией скрывался в Новгороде и во Пскове. Там он был пойман. Подвергся избиениям и был отправлен в штрафной лагерь в Латвии. Оттуда его освободили благодаря заступничеству митрополита Сергия (Воскресенского). Чуть освоившись в новой среде, он нашел пути издать в Риге довольно полный сборник стихов Есенина. Мало того, уйдя из Риги в Германию, он умудрился забрать с собой гранки и переиздать Есенина в двух томах в Западной Германии. Вот эти две книжечки из коллекции Синкевич.

Можно только удивляться, как бежавшие в Германию находили друг друга, когда рушился Третий Рейх и больше не ходили ни поезда, ни письма. Но Завалишин нас нашел в одном захолустном немецком городке, где мы сидели, надеясь на скорый приход американцев. Он появился с котомкой за плечами, в которой ничего не было кроме, вероятно, этих гранок и стихов Есенина. Переночевав, он со своей котомкой отправился пешим ходом дальше на Запад, а нам оставил один экземпляр Есенина, который на долгие месяцы был моей единственной книжкой, почему я почти все его стихи выучила наизусть.

Потом Завалишин таким же чудом нашел нашу семью, когда мы оказались после окончания войны в одном из лагерей Ди-Пи. Передвижение по побежденной Германии было строго ограничено, но Завалишину, не знавшему ни слова по-английски, удалось получить от какого-то американского коменданта нечто вроде охранной грамоты, в которой тот просил оказывать всяческое содействие «этому чудаку» (this joker). А внешность у Завалишина была и правда странная: бритва, зубная щетка и гребешок едва ли имелись в его хозяйстве, одежда, даже по тем временам, беднейшая. Только раз я встретила его чисто выбритым и прилично одетым. Говорили, он был влюблен. Но любовь прошла, и Завалишин снова превратился в бомжа. К тому же и пил он довольно изрядно. Зато преданность его книге была абсолютна. Забегая вперед, скажу, что в Нью-Йорке мужу моему пришлось сообщить Завалишину, что в отдел кадров радиостанции «Свобода», с которой Завалишин сотрудничал, поступила жалоба от его квартирной хозяйки за неуплату. Хозяйка выгоняет его с квартиры, а отдел кадров вынужден будет удержать часть его зарплаты, чтобы с ней рассчитаться. Завалишин призадумался, вздохнул тяжело и сказал: «Что ж, надо идти за веревкой». — «Что Вы, Вячеслав Клавдиевич, — испугался муж, — зачем же веревка?» — «Ну как, — ответил тот, — надо же книги перевязать».

Думаю, никто так много не сделал в личном порядке для того, чтобы раздуть огонек русского печатного слова в «дипийское» время, как доброй памяти Вячеслав Клавдивич Завалишин. Вот еще одна публикация Завалишина в собрании Синкевич. Он же и ее автор: «Андрей Рублев». А в 1947 году — подлинное событие на нашем литературном горизонте: Завалишин издает четыре томика стихов Гумилева с собственным предисловием! Кажется, это было первое издание Гумилева со времени его расстрела. Сегодня за этими четырьмя книжками охотятся коллекционеры. По счастью, Синкевич сохранила все четыре томика.

Всего в коллекции Синкевич 21 книжка. Я уже прочитала стихотворение из первой книжки стихов Ивана Елагина «По дороге оттуда». Она одна из тех, на которых стоит разрешение к печати «Унры». На следующем сборнике, вышедшем год спустя, в 1948-м, «Ты, мое столетие», такой печати уже нет. А еще через год в том же Мюнхене выходит совсем крошечный сборник стихов его жены Ольги Анстей: автор подарила его в Америке матери художника Сергея Голлербаха, в которой благодарит ее за то, что «в чужом непонятном Нью-Йорке Вы были для меня оазисом уюта и внутреннего тепла». Потом он перешел в руки Валентины Синкевич. Этот экземпляр представляет собой особую ценность еще и потому, что там рукой автора датированы все помещенные в нем стихи.

Хочу обратить ваше внимание на книжку рассказов Александра Перфильева «Когда горит снег». На титульном листе значится «Издательство *Космос* 1946». На самом деле, такого издательства не было. Полчанинов пишет: «Перфильев, вероятно, считал, что более престижно, когда книгу издает не сам автор, а какое-то издательство. Так думал не только он, но и другие авторы, выпускавшие свои книги от имени придуманных ими же издательств». Кто печатал эту книгу — неизвестно, но многие ее страницы сброшюрованы вверх ногами!

А вот уже чистейший самиздат — «Моя муза». Автором значится ВЯН. За этим псевдонимом кроется Вячеслав Яковлевич Нечаев, живший до войны в Ялте. Вероятно, книга была отпечатана на ротаторе, так как все слова выписаны от руки, притом с потугой на старую орфографию. О качестве поэзии предоставляю судить вам — стихотворение памяти Суворова: «Здесь лежит Суворов. / Сколько гордых взоров, / Славы и победы боевой. / Сколько чести русской / В щели склепа узкой / Здесь лежит под каменной плитой!..» Ну, и так далее.

Еще Синкевич дарит Дому русского зарубежья сборник стихов восьми поэтов «дипийской» эпохи, вышедший в Мюнхене в 1947 году. В отличие от других книг того времени, эта в твердом переплете, сделанном поэтом и художником Сергеем Бонгартом. Вот эти восемь поэтов: Ольга Анстей, Сергей Бонгарт, Владимир Гальской, Иван Елагин, Сергей Зубарев, Андрей Касим, князь Николай Кудашев, Анна Савинова и Аглая Шишкова.

Помимо названных мной поэтов, стали обращать на себя внимание в послевоенный период и прозаики. Назову Сергея Максимова, Леонида Ржевского и Анатолия Дарова, поразившего нас своим романом «Блокада» — первым ужасающим описанием осажденного Ленинграда. Но тема литературы «дипийского» периода — поэзии и прозы — заслуживает отдельного исследования. Я же хочу закончить свой доклад стихотворением Аглаи Шишковой из упомянутого сборника восьми поэтов. Я воспринимаю ее стихотворение как своего рода памятник завершения «дипийской» эпохи:

* * *

От неуютных, серых гаваней,
От обездоленной земли
В далекое уходят плаванье
Лазоревые корабли.

Минуя отмели туманные,
Плывут, как лебеди без крыл.
Застыли пассажиры странные
У полированных перил.

Глаза, к бескрайности прильнувшие,
Не устают туман пронзать —
Глаза, безумия хлебнувшие,
Надеждой пьяные глаза.

Волна про тайное, желанное
Лепечет нежным языком
И чужедадь обетованная
Горит безбрежным маяком.

И погружается вчерашнее
В давно отжитое т о г д а,
И сзади остаются страшные,
Разрушенные города.